

УДК 130.2316.334.56

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2004

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Томский текст: новые стратегии «прочтения» и интерпретации

Н.А. Колодий¹✉, В.С. Иванова²

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉ kolna@tpu.ru

Аннотация. Актуальность. Есть несколько обстоятельств, актуализирующих тему исследования Томского текста. Первое – это то, что адекватное понимание специфики городского текста и города как текста обеспечивает пророст знаний о городе, его сущности как целостного сложностроенного организма, семиотически богатой структуры. Второе обстоятельство – это то, что возникающие смыслы, которые открываются с каждой новой стратегией прочтения городского текста, меняют представления об уникальности локальных текстов, их противостоянии столичным текстам. **Методы:** методы структурной семиотики, сравнительно-исторический метод, благодаря которым реконструируются изменения и смещения в интерпретации городского текста, отраженные в таких свойствах Томского текста, как сибирскость, провинциальность, сакральность. Герменевтическая методология позволила рассмотреть городской текст как коммуникативное пространство, у которого появляются свойства и функции, имеющие мнемоническую, нарративную, нормативную и эмоциональную нагрузку. **Результаты:** гуманитарная урбанистика создаёт мощную методологическую стратегию понимания города как текста и делает запрос на аутентичное пространство вполне актуальным. Смыслопорождающее начало Томского текста укоренено в так называемом творящем природном ландшафте, неповторимой деревянной архитектуре, формирующей визуально-семиотические доминанты; в мощной мифологической системе, реконструируемой по настоящее время; в истории, событиях и действующие лица которой усиливают уникальность города как семиосферы. **Выводы:** Томский текст, как открытая незавершённая система, нуждается в постоянной двойной рефлексии: с одной стороны, осмыслению подлежит реальное пространство города; с другой стороны, повышенное внимание исследователей должно быть сфокусировано на визуально-семиотическом образе города, трансформации которого естественны и специально организованы.

Ключевые слова: город как текст, Томский текст, архитектура, визуально-семиотические доминанты, культурный код, декодирование

Для цитирования: Колодий Н.А., Иванова В.С. Томский текст: новые стратегии «прочтения» и интерпретации // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 2. – С. 135–147. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2004

UDC 130.2316.334.56

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2004

Tomsk text: new strategies of «reading» and interpretation

N.A. Kolodii¹✉, V.S. Ivanova²

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉ kolna@tpu.ru

Abstract. Relevance. There are several circumstances that actualize the topic of today's study of the Tomsk text. The first one is that an adequate understanding of the specifics of the urban text and the city as a text ensures the growth of knowledge about the city, its development as an integral complex organism, a semiotically rich structure. The second circumstance is that the emerging meanings that are revealed with each new strategy of reading the urban text change our ideas about the uniqueness of local texts, their opposition to metropolitan texts. **Methods.** Thanks to the methods of structural semiotics, the comparative historical method, changes and shifts in the interpretation of urban texts are reconstructed, which are reflected in such properties of the Tomsk text as Siberianness, provinciality, sacredness. The hermeneutic methodology allowed us to consider the urban text as a communicative space that acquires properties and functions that have mnemonic, narrative, normative, and emotional load. **Results.** Humanitarian urban studies create a powerful methodological strategy for understanding the city as a text and make the request for an authentic space quite relevant. The meaning-generating beginning of the Tomsk text is rooted in the so-called creative natural landscape, unique wooden architecture that forms visual-semiotic dominants; in a powerful mythological system that is being reconstructed to this day; in history, the events and characters of which enhance the uniqueness of the city as a semiosphere. **Conclusions.** The Tomsk text, as an open unfinished system, requires constant double reflection: on the one hand, the real space of the city is subject to comprehension; on the other hand, the increased attention of researchers should be focused on the visual-semiotic image of the city, the transformations of which are natural and specially organized.

Keywords: city as a text, Tomsk text, architecture, visual-semiotic dominants, cultural code, decoding

For citation: Kolodii N.A., Ivanova V.S. Tomsk text: new strategies of «reading» and interpretation. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 2, pp. 135–147. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/2004

Введение

Если признать, что есть два подхода к городу как тексту и отражению особенностей города в различных текстах, то следует выделить две стратегии прочтения и интерпретации. И та и другая, если они реализуются последовательно и системно, множат представления о городе и создают новое знание в контексте исторической и философской урбанистики, антропологии города. Давно замечено, что в этом случае «...предполагается существование двух реальностей – действительной реальности и реальности семиотической, между которыми можно наблюдать четкие логические соответствия и/или соотношения» [1, с. 70].

Сначала отметим те тенденции, которые появились в последнее время в интерпретациях города как текста, городского текста в целом [2–4], сознательно не акцентируя внимание на начале дискуссии в классической семиотической литературе [5, 6].

Благодаря исследовательской позиции, разработанной последователями тартуско-московской семиотической школы (С.С. Аванесов, Д.Н. Замятин, Н.Г. Федотова, Л.Ф. Чертов), были выявлены такие особенности городского текста, как столичность или провинциальность, сибирскость или европейскость, сакральная топоика города или десакрализация отдельных локусов, наличие целенаправленных или стихийных форм организации простран-

ства, присутствие уникальных черт, например, в виде деревянной архитектуры или отсутствие таковых [7–9]. Но и сегодня возникают отчасти сиюминутные, конъюнктурные, отчасти глубинные причины нового чтения и интерпретации городского текста. При сложившейся модернизации, трансформации городов необходимость разработки адекватных стратегий прочтения – очень жёсткая. От доминирующей интерпретации зависят реальные изменения города, трансформация архитектуры. Порой поверхностные, неглубокие, основанные на малом количестве источников и исследований модели города порождают и точечные архитектурные вторжения, которые искажают образ города.

Дискуссии о природе и сущности городского текста в урбанистике вызывают и городские протесты, которые время от времени происходят в российских городах. Например, борьба за Химкинский лес в 2011–2012 гг., протесты против строительства мусорного полигона на станции Шиес в 2018–2020 гг., протесты против строительства православного храма в сквере у драматического театра в Екатеринбурге в 2019 г., такой же конфликт в Томске в 2021 г. Они выводят на авансцену новые городские сообщества, которые по-новому интерпретируют прошлое и настоящее города, по-иному заявляют о своём праве на город, по-другому влияют на городские политики и практики [10, 11].

В трактовке городского текста можно наблюдать и смещения, связанные с интенсивной цифровизацией и продолжающейся виртуализацией. Наблюдаемые сегодня в разных городах мира такие явления, как и фрагментация пространства, непрочность социальных связей, динамика форм межличностных взаимодействий, появление новых смыслов и новой архитектуры городской среды, свидетельствуют о тех изменениях, которые происходят с городским текстом. Меняются таким образом репрезентации и образы города [12].

Еще одна мощная тенденция, порождающая глобальные смещения в понимании городского текста, – это работы в области гуманитарной географии или иначе – метагеографии. Эти исследования базируются на новой философии пространства (традиция после А. Лефевра), а также геофилософии. Множество уникальных стратегий интерпретации связано с возникающими научными дисциплинами, начиная с географии воображения и заканчивая геопозитикой [13, 14]. Так или иначе эти стратегии проявляются и в интерпретации локальных городских текстов.

Ряд исследователей, фиксируя черты и свойства постмодернизма, который почти исчез из сферы глобальных схем объяснения уникальной семиотической структуры города, отмечая как беспомощность псевдоисторических фэнтези, так и неопределённость сакральной географии, характеризует эти факторы как существенные, влияющие на сегодняшние интерпретации городского текста [15].

Итак, целая плеяда учёных заявляет, что городской текст – это локальный текст как явление литературы, с одной стороны, с другой – это и визуальный текст, это и некое антропологическое зеркало феномена локальности, пространственности. Следует сразу подчеркнуть, что из всех многочисленных измерений локального текста, авторы статьи центрируют внимание на смысле, который отражает феномен локальности, главные мифологемы локала, центральные образы пространственности.

Методологически значимыми становятся семиотические принципы, согласно которым «“читать”» город означает реконструировать мировоззрение его строителей и обитателей, зафиксированное в его плане, облике, дизайне, в его художественной форме и стиле. И это понимание города как текста, содержанием которого является культурный опыт его жителей, позволяет обрести концептуальное основание для поиска ответов на вопросы о городской идентичности, локальном патриотизме и гражданской синергии» [7, с. 7].

Следует согласиться с С.С. Аванесовым и в том, что город можно понимать «не как физическое место, структурированное материальными объектами, а как специфически-человеческим образом организованную коммуникативную среду, как сложно устроенное,

семиотически размеченное пространство, отражающее собой особенности бытия человека как культурного существа и иницирующее (продуцирующее, транслирующее во времени) культурно-коммуникативную активность человека» [16, с. 10].

Также важным принципом понимания сущности городского текста является выявление иерархизированной, но подвижно структурирующейся системы значащих элементов, охватывающей диапазон от единичного высказывания до многоэлементных и гетерогенных символических образований. Вся система этих факторов, дискутируемых особенно в урбанистике, повлияла и на интерпретацию конкретных локальных текстов. В калейдоскопе описаний, репрезентаций, нарративов явно прослеживаются новые темы, мотивы, проблемы. Порой меняется целостное видение городского текста. Так, например, уже достаточно давно исследована система факторов, определяющих кодирование в городском тексте. Н.Г. Федотова считает, что к числу таких факторов относятся: «а) природа и климат; б) художественные тексты, где город осмыслен и представлен в художественном контексте; в) исторические события, связанные с городом; г) пространственные характеристики; д) символическая связь с известными личностями («гениями места»))» [17].

Специфической задачей исследователя в этом контексте становится не только декодирование, но и выстраивание некоей иерархии факторов ландшафта, социума, культуры в такой социокультурной модели, в которой они бы приобрели особый смысл [18]. Любопытным является то, как размещаются сегодня эти многообразные формы ландшафта, культуры, истории, воображаемые сообщества и просто люди как в конкретных литературных текстах, так и в антропологически ориентированных теоретических штудиях, из которых исследователи извлекают определённые связи, смыслы.

Основные тенденции в интерпретации Томского текста

Некоторые тенденции в развитии современной семиотики демонстрирует Томский текст в интерпретациях современных исследователей. Любой человек, интересующийся городскими провинциальными текстами или занятый изучением краеведческих проблем, может прийти к выводу, что Томский текст – явление, пока еще малоисследованное. Что касается общей характеристики Томского текста, то следует заметить, что он слабо отражается в различных текстах культуры. В них фиксируется малое внимание к специфическим мифологемам, устойчиво сопровождающим репрезентации города и выделяющим текст на ментальной карте региона и страны в целом.

Само выражение «Томский текст» используется крайне редко, хотя, конечно, есть опыт описания Томска в различных дискурсах, начиная с исторического и заканчивая искусствоведческим. Томский текст как подвижная, развивающаяся целостная структура существует непродолжительное время, но уже и в отношении этого текста сложились разнообразные представления о его сущности, эволюции [19]. Невозможно акцентировать внимание на всех особенностях изучения Томского текста. С одной стороны, дадим интерпретацию нон-фикшен литературы, фиксирующей главным образом природно-ландшафтное, культурно-ландшафтное, архитектурное, сакральное, мифологическое, историческое и некоторые другие измерения города; отражающие уникальные локусы и топоры пространства [20, 21]. Внутри этого компендиума текстов прокомментируем особенности историко-архитектурной литературы, развивающейся в первой четверти XXI в. особенно интенсивно [22]. С другой стороны, обратимся к некоторым художественным произведениям, например к роману В. Костина «Колокол и Болото», в котором используется вымышленный топоним Потомск с очевидными аллюзиями на известный город Томск и в котором описание истории города и его культуры – принципиально антиглобалистское [23]. Пожалуй, за последние десятилетия это первый роман, снискавший как внимание критики, так и внимание урбанистики и семиотики. Текст – многослойный и многоплановый, в котором читатель не без удовольствия фикс-

сирует внимание на гротескно-фантастическом описании как города, так и событий, происходящих в нём. Более вдумчивые читатели фиксируют и сказовость, которая ощущается в образах отдельных пространственных локусов, и влияние известной ремезовской летописи, в которой отражено прошлое города; и наивность, и стремление к аутентичному воспроизведению сложноустроенного города.

Сибирскость

Первая тенденция, которая становится очевидной при ближайшем прочтении работ по Томскому тексту, – это реконструкция сибирскости. Если в первое десятилетие XXI в. сибирскость актуализировалась в связи с тем, что на первый план выдвигались такие характеристики, как принадлежность к принципиально иной по отношению к русской земле территории «terra incognita; пространство притяжения молодых честолюбцев; место чиновничьего произвола; место каторги; холодная страна «других»; ресурсная кладовая и крестьянское Эльдorado») [24, с. 42], и все эти характеристики можно было встретить в анализе Томского текста, то во втором и третьем десятилетии XXI в. акцент сместился в сторону немного иных топосов сибирскости. Более пристальное внимание обращено на их генезис в более ранние эпохи. Так и в Томском тексте как разновидности Сибирского текста исследователи стали обращать внимание на различные трактовки сибирскости: от понимания этой характеристики как русской особенности или недостаточности русскости до интерпретации её как экзотического экстремального пространства, радикального места испытания духа и в конечном счёте – как особого социального конструкта, отражающего уникальный способ структурирования пространства [25]. Акцент часто делается на внутренней противоречивости и амбивалентности этих свойств опять же в Томском тексте [26].

В последнее время вновь обострилась дискуссия о глобальном и локальном в пространстве города, причём в достаточно экзотической постановке, особенно если учесть внутреннюю версию глобальности в виде москвоцентричности: «Сибирь – такая же территория «внутренней колонизации» со стороны Москвы, как Урал, Дальний Восток, Русский Север, Центральная Россия или южная Россия» [27, с. 64]. А. Иванов к тому же полагает, что сложившаяся «москвоцентричность жизни порождает и культурное обнищание страны вне столицы» [28]. В контексте нового прочтения сибирского текста Ю. Зайцева, продюсер А. Иванова, создающего после матрицы Урала «философию сибирскости» в «Тоболе» и «Дебрях», искренне утверждала: «Ведь я, как и многие, раньше считала, что Сибирь – это снега и полумертвая тундра. А оказалось, что это котел народов, цивилизаций, культур. Здесь оголтелые русские, сбежавшие на вольные земли подальше от государева ока, искали золото в могильных курганах древних скифов, били зверя в тайге, язычники-инородцы в одеждах из рыбьей чешуи мазали кровью губы своих деревянных идолов, бухарцы в разноцветных халатах торговали на рынках арбузами и халвой, неистовые в своей вере раскольники целыми деревнями шили саваны и сжигали себя в церквях, пленные шведы устраивали школы и тайные винокурни, самородки-зодчие рисовали карты и строили церкви по московскому образцу... И много-много других документальных сюжетов, из которых складывается сумасшедшая по драматизму и выразительности картинка» [28]. В одной из книг А. Иванова Сибирь сравнивают «с подземельем, набитым сокровищами, куда войти разрешили, а свечку не дали» [28].

В. Костин в своём романе «Колокол и болото» настаивает на том, что, осваивая этот край, «...русские словно возвращались в свое не такое уж и давнее прошлое, с его дремучестью, безлюдьем, мехами, и дичью, и встречами с чужими богами, и, ставя остроги, вспоминали свои городки, которые вчера рубили в немых дебрях среди чуди, веси и мери. И получается, что великое продвижение на восток, на новые земли и за свежей добычей, было возвращением к себе, к своей юности, “дежавю”, было выражением кольцеобразности времени. Время закругляется в просторах, замирает в них» [23, с. 28]. Так всё-таки сибирское – это Иное рус-

ское? Следует заметить, что новые акценты в интерпретации сибирскости демонстрирует гуманитарная география, обращая особое внимание на генезис собственно Томского текста как разновидности Сибирского. И если раньше актуализировались лишь два концепта (Томск как место каторги и ссылки или потерянный рай), то сегодня появляется детализированное описание того, как происходило включение Томска в структуру национальной жизни, анализ репертуара символических ролей одной из самых отдаленных окраин Русского государства. В. Костин в своём романе, выступая и как писатель, и как исследователь, внимание уделяет и синтезу русской и сибирской культур в исторической ретроспективе: «По десять, по двадцать тысяч человек в год прибывало в Потомск, разъезжаясь по сельским азимутам, частично оседая в городе, пролетариями или люмпенами. Как могли, помогали им; строили бараки, давали хлеб, какие-то деньги, как-то лечили – и ясно, что маловата была эта помощь и слабые умирали на этой бесконечной дороге. С большим сочувствием описывали их тяготы гуманные российские писатели, и спасибо им, – но правда и то, что возвращалось из переселенцев домой меньше одного процента. Кто мог, надрывая пупы, взять эту землю, где всего вдоволь, – брал ее и радовался, что пуп не развязался. И большинство из этих людей приходило из российского черноземья – куряне, воронеж, липчане. Так встретились, смешиваясь в потомских краях, северная и южная русская кровь» [29, с. 49].

Современные исследователи сегодня часто сравнивают или противопоставляют, например, образы городов Зауралья и образы городов Сибири, при этом более детально описывают первые. Может быть, потому, что «мощные локальные мифологии Урала достаточно хорошо сформировались уже к середине XX в., продолжая успешно развиваться и в начале XXI в.» [29, с. 23], тогда как мифологии сибирских городов, возможно, не менее мощные, только сейчас интенсивно реконструируются. Сибирская группа городов в ретроспективе получила довольно развёрнутые содержательные описания, дающие целостное представление о ресурсно-периферийных фронтирных качествах городов. Подобные характеристики справедливы и в отношении Томского текста.

Провинциальность как проявление подлинности бытия

С сибирскостью тесно связана такая характеристика Томского текста, как провинциальность. Исследования, которые анализируют это измерение Томского текста, появляются, но спонтанно, и пока не представляют собой какую-либо традицию или школу. Хотя основы такого подхода, несомненно, заложены [30].

Описывая провинциальный текст, Е.Г. Милюгина подчёркивает, что это «выделенная для изучения часть культурного пространства, границы которой определяются ее противопоставленностью столичному локусу (петербургский текст, московский текст [31, с. 64]. При таком подходе содержание провинциального текста как города, поселения, области отражает достаточно глубоко особенности социокультурного пространства, его архитектонику, его символическое означивание. Благодаря семиотическому подходу, провинциальный текст предстаёт как пространство внутри определённых дихотомий: столица/провинция, центр/периферия, закономерное/случайное [32]. И если раньше все это национально-заповедное описывалось через понятие, например, областных культурных гнёзд (Н.К. Писканов), то сейчас все нестоличное пространство оценивается как локальное, противостоящее глобальному [33]. В провинциальном Томском тексте широко реконструируются такие составляющие провинциальной топики, как острог, кремль, центральный собор, часовня, городской базар, купеческий дом, усадьба, доходный дом. Историко-архитектурные исследования Томского текста в этом контексте здесь особо примечательны. Эти исследования породили важные стратегии чтения пространства города, дающие представления об агентах и акторах, влияющих, с одной стороны, на архитектурный облик Томска, а с другой – формирующих особую ментальность, например, сибирских купцов [34].

Томские купцы (семья Кухтериных, И.Д. Асташев, В.А. Горохов, Н.А. Второв, Д.Е. Зверев, П.И. Макушин, П.И. Богомолов) не просто строили для удовлетворения своих потребностей торговые, доходные и жилые дома, но и обеспечивали, взаимодействуя с архитекторами, функциональное разнообразие застройки в разных частях города. Для общественных нужд, благодаря их финансам, появлялись административные здания, больницы, храмы. Во второй половине XIX – начале XX вв. купцы стали главными заказчиками каменного строительства, которое внесло специфические черты в облик Томска [35].

Анализ топологического измерения повлек за собой воссоздание антропологических характеристик провинциальных типов: купца, земского деятеля, приходского священника и т. д. Социально-антропологическое описание в таких исследованиях дополнялось реконструкцией повседневной жизни в провинциальном городе с указанием чаще всего на господство патриархальности, типичности, традиционности, которые не уничтожимы, а только изменяемы. В работах, посвящённых архитектуре Томска, авторы фиксируют разные стратегии сохранения культурной инаковости, причём отмечается, что архитекторы в большей степени влияют на тот или иной сценарий. В некоторых городах это инсценирование развития как бы столичного города с провинциальной судьбой, в некоторых – это сценарий провинциализации как аутентичного подлинного культурного развития, в третьем случае – это происходит на фоне утраты городом статуса губернского центра, то есть возникает стремление сохранить любой ценой традиционное сакральное пространство города. Томск на разных этапах своего существования инициировал все три стратегии культурно-исторического и пространственного развития. И, как уже отмечалось, ведущие архитекторы конца XIX – начала XX вв., выпускники Императорской Академии художеств и Института гражданских инженеров (В.Ф. Оржешко, Ф.Ф. Гут, П.Н. Федоровский, К.К. Лыгин, А.Д. Крячков и др.). вносили свой вклад в этот процесс. Творчество некоторых из архитекторов трактуется как знаковое, символическое для Томска, например творчество К.К. Лыгина. В. Костин характеризует его так: «Лыгин, создатель сибирского модерна, любитель желтого песчаника, чистого кирпича и стильного декора, за малое время воздвигнув здание за зданием, дал пример всем прочим и придал Потомску навечное каменное обличие. И тут проснулось, как некая парафраза, зодчество деревянное, оправой к каменному, и запели прославленные потомские терема, сливаясь с каменными зданиями в единую городскую симфонию, за что Потомск знают и любят по сей день. Много может один человек, если развязать ему руки, и не было в Потомске столь свободного в своем поприще чудодея ни до, ни после Лыгина. (Свое последнее здание он подарил городу в 1919 году – не узнать в нем его руку, ибо скудна была та смета военного времени)» [29, с. 53–54].

Любопытно, что архитектура создавала и особый уклад жизни. Это становится очевидным, когда исследователи анализируют принципы застройки городских улиц, обращая внимание, к примеру, на роль и значение усадебного устройства. Жилые дома во многих исторических районах Томска формировались не вдоль проезжей части, а в глубине дворов. Масштабы застройки были соразмерны человеку: «Усадьба – это планировочный и пространственный модуль, из которого соткана городская ткань Томска» [36, с. 30].

Гармоничная встроенность в живописный природный ландшафт характерна не только такому виду застройки города, но и религиозной архитектуре, «которая имеет в целом более высокую визуально-семиотическую нагрузку» [37, с. 80].

Сакральная топики города как способ сохранения подлинности

В системе кодирования города чрезвычайно важным является именно формирование сакральной топики города. С.С. Аванесов одним из первых описал эту проблему, концентрируя внимание на сакральном центре Томска, на роли и значении центрального храма, который в городе долгое время строился и очень быстро был уничтожен: «Безусловно, храм является

семиотическим комплексом, подлежащим прочтению с точки зрения осмысленной организации внутреннего пространства (структуры) и системы визуальных образов интерьера» [38, с. 60]. Если этот храм отсутствует, то тогда другие культовые строения индексируют «окружающее пространство в качестве «священного места», своей внешней формой сообщая о конкретном конфессиональном содержании указанной освященности» [38, с. 60].

В Томске, что удивительно, проблемы истории церковного зодчества XIX – начала XX вв. долгое время практически не изучались. Сегодня оживлённо обсуждается то, как осуществлялось деревянное церковное и каменное строительство, начиная с XVII и заканчивая первой четвертью XX в. [39, 40]. Описание процесса храмостроительства сопровождается анализом социального и финансового положения духовенства, а также характеристикой изменений территориально-административного деления епархии, исследованием динамики роста приходов, сравнительным анализом локальных тенденций и общегосударственных [41].

Используя такие стратегии чтения сакральной топики города, авторы представляют религиозную архитектуру инструментом «трансляции аксиологических, историко-культурных и экзистенциальных смыслов», которая, будучи сакральным текстом и своеобразным «коммуникативным полем», прочитывается и как оптическая доминанта, и как литургическая матрица, и как «точка сакрализации» обитаемого пространства» [38, с. 63].

Закономерно, что повышенное внимание исследователей сфокусировано на визуально-семиотическом аспекте церковной архитектуры. О.В. Богданова, историк, автор многочисленных работ, посвящённых изучению роли гражданских инженеров в церковном зодчестве Томской епархии, отмечала, что гражданские инженеры часто выступали главными строителями при воплощении своих проектов в жизнь. Вот почему большая часть храмов представляет собой неповторимый «семантический континуум» и отражает разнообразие архитектурных стилей и традиций – классицизм, модернизм, эклектика, «восточный» стиль и «сибирское барокко» [37, с. 80]. Примечательно, что в орбиту исследования часто попадают храмы, которые можно интерпретировать как архитектурные доминанты города. И в реальных практиках изучения храм предстаёт и в своём визуально-семиотическом образе, и как сакральное пространство, и как архитектурный объект, который побуждает к определённому действию. Богоявленский собор, к примеру, анализируется как объект, который создаётся под влиянием раннего или «петровского» барокко: вытянутый четверик увенчан «восьмериком», на котором возвышается купол. Исследователи подчёркивают, что уникальность образа храма обусловлена высокой колокольной, шпилем храма. Стройные арочные окна, пилястры придают особую привлекательность фасаду храма. Если обратить внимание на Воскресенскую церковь, которая представляет собой оригинальное воплощение стиля «сибирского барокко», то опять же следует отметить, что указанный объект является архитектурной доминантой исторического района, сложной коммуникативной площадкой. Итак, какой бы объект религиозной архитектуры мы не взяли, всякий раз при реализации вышеописанного подхода фиксируем разнообразные способы организации пространства, вычитываем принципы его иерархической упорядоченности, способы культурного кодирования.

Заключение

Гуманитарная урбанистика создаёт мощную методологическую стратегию понимания города как текста и делает запрос на аутентичное пространство вполне актуальным. Но этот запрос – достаточно противоречивое явление.

С одной стороны, в том же Томске ведётся решительная борьба активных горожан за сохранение исторических зон, пространств с насыщенным культурным слоем, создаётся «Список 701». В центре внимания 1500 строений, которые не подлежат сносу и нуждаются в реконструкции и реставрации. Но, с другой стороны, нет целостного видения того, как будут соединены историческое наследие и новые строения, как впишутся в исторически сложив-

шееся пространство отреставрированные здания. Опыт точечного строительства в зоне Татарской слободы, одного из самых аутентичных районов города, показывает, что гармоничное и профессионально точное решение этой проблемы затруднено. Кроме того, представляется, что сторонники и защитники исторического Томска, апеллируют всегда к отдельным памятникам деревянного зодчества, каталогизируют наиболее уникальные строения, резьбу, наличники. Создаётся музей деревянного зодчества, есть сквер, в пространство которого помещены изящные образцы наличников. Но для застройщиков города, это все знаки-символы уходящей природы, фрагменты пространства, которое нужно менять. Таким образом, градостроители прежде всего ориентированы на функциональный подход, с элементами искусственной «выставочной» эстетизации, защитники старины озабочены сохранением отдельных строений или зон, созданием онтологической структуры города. Но вот эта онтологическая структура города и не прочитана так, как позволяет это сделать современная методология исторической гуманитарной урбанистики.

Возможно, не все измерения Томского текста описаны и отрефлексированы. Возможно, тексты, фиксирующие особенности города, его архитектуры, фрагментарны, калейдоскопичны, им не хватает глубины, драматизма, присущих, скажем, Петербургскому тексту. Но глубинное смыслопорождающее начало Томского текста, укоренённое в так называемом творящем природном ландшафте, неповторимой деревянной архитектуре, формирующей визуально-семиотические доминанты; в мощной мифологической системе, реконструируемой и в настоящее время; в истории, события и действующие лица которой усиливают уникальность города как семиосферы, заставляет вновь и вновь к нему обращаться, реконструировать, описывать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замятин Д.Н. Гетеротекстуальность и сопостранственность: от семиотики города к транссемиотике постгорода // Уральский исторический вестник. – № 1 (70). – 2020. – С. 70–79. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-70-79.
2. Сид И. Геопозтика. Экспедиционный формат. – М.: Арт Хаус медиат, 2018. – 242 с.
3. Галимова Е.Ш. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Т. 1. – Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. – 410 с. EDN: XOXANF.
4. Окунев И.Ю., Остапенко Г.И. Восприятие пространства в программе семиотики столиц // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 1 (49). – С. 43–61. DOI: 10.31249/chel/2022.01.03 EDN: FVFEEF.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 149–390.
6. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – Москва: Прогресс: Культура, 1995. – С. 269–367. EDN: VKXBQN.
7. Аванесов С.С. Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. – М.: Алетейя, 2022. – 408 с.
8. Замятин Д.Н. Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – № 1 (41). – С. 29–52. DOI: 10.31249/chel/2020.01.02. EDN: WFWKVV.
9. Чертов Л.Ф. Место как категория пространственной семиотики // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2023. – № 1 (53). – С. 7–26. DOI: 10.31249/chel/2023.01.01. EDN: SVKMST.
10. Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска) // Мир России. – 2024. – Т. 33. – № 3. – С. 99–117. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117. EDN: MSWZXI.
11. Лапина-Кратасюк Е.Г. Запорожец О.Н. Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного о любви к человеку // Шаги/Steps. – 2016. – № 2 (1). – С. 103–113.
12. Воробьева С.В. Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 1. – С. 34–44. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-34-44. EDN: ILZUTN.
13. Замятин Д.Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-

- теоретической конференции. Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений». – М.: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011. – С. 186–203. EDN: RAOFJJ.
14. Замятин Д.Н. Постгород (П): воображаемые картографии и политики сопостранственности // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 9–35. DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-9-35. EDN: RHOKLU.
15. Курохтина С.Р. Визуальное пространство города: семиотический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 364–368. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-4-364-368. EDN: ZOCUOH.
16. Аванесов С. С. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2016. – № 4 (10). – С. 9–22. EDN: XHZNHJ.
17. Федотова Н. Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 10–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-4-1. EDN: JAMAGT.
18. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с. EDN: QIRNEL.
19. Локальные тексты в фокусе современной урбанистики / Н.А. Колодий, Р. Баджио, Н.А. Гончарова, В.Б. Агранович, В.С. Иванова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 44. – С. 25–47. DOI: 10.17223/22220836/44/3. EDN: AZKERS.
20. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблема реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 198 с. EDN: TPMJKT.
21. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века): Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск: монография / В.П. Бойко, Е.В. Ситникова, Н.В. Шагов, О.В. Богданова, В.Г. Залесов, Т.Н. Манонина. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. – 480 с. EDN: QPVGVS.
22. Богданова О.В. Архитектурный облик Томска. – Томск: Красное знамя, 2005. – 144 с. EDN: VSYPUV.
23. Костин В. Колокол и болото. – М.: Беловодье, 2012. – 288 с.
24. Панарина Д.С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 39–52. EDN: PXBAZP.
25. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – М.: Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2008. – 759 с. EDN: QKILQX.
26. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 343 с. EDN: QPCWRH.
27. Иванов А.В. Тобол. Мало избранных. – М.: АСТ Редакция Елены Шубиной, 2018. – 702 с.
28. Иванов А. Я сам не делаю никаких открытий // Официальный сайт писателя А. Иванова. URL: <https://ivanproduction.ru/intervyu/aleksej-ivanov-ya-sam-ne-delayu-nikakix-otkryitij.html> (дата обращения 20.12.2024).
29. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: монография / отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: СФУ, 2010. – 237 с.
30. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: научные доклады. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2004. – С. 227–235. EDN: VITWSL.
31. Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2014. – 368 с.
32. Строганов М.В. Провинциализм / провинциальность: опыт дефиниции // Русская провинция: миф – текст – реальность: сборник статей. – М., СПб.: Тема, 2000. – С. 30–37.
33. Зайонц Л.О. Русский провинциальный «миф»: к проблеме культурной типологии // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 427–456.
34. Бойко В.П., Ситникова Е.В. Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2008. – 179 с. EDN: QPKVRZ.
35. Ситникова Е.В. Постройки купцов Кухтериных в архитектуре г. Томска рубежа XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2018. – Т. 20. – № 5. – С. 35–49. DOI: 10.31675/1607-1859-2018-20-5-35-49. EDN: YLJJKH.
36. Романова Л.С. Деревянная архитектура Томска // Очерки истории томской культуры. – Томск: Рекламный дайджест, 2010. – С. 30–34.
37. Аванесов С.С. Сакральная топоика русского города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2016. – № 1 (7). – С. 71–114. EDN: PEXLPL.
38. Аванесов С.С. Религиозная архитектура: визуально-семиотические аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (148). – С. 59–64. EDN: SIJZXB

39. Бойко В.П., Смокотин С.В., Ситникова Е.В. Православное храмовое строительство в Томской губернии в XIX – начале XX в. – Томск: Из-во Томского гос. архит. строит. ун-та, 2021. – 164 с. EDN: MYHVXG.
40. Сахарова С.Е., Ситникова Е.В. Деревянное церковное строительство в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2023. – Т. 25. – № 2. – С. 9–23. DOI: 10.31675/1607-1859-2023-25-2-9-23. EDN: FWPPAW.
41. Зноско Ю.А. Вопросы изучения истории Томской епархии в современных исторических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 77. – С. 115–123. DOI: 10.17223/19988613/77/14. EDN: LZCTOI.

Информация об авторах

Наталья Андреевна Колодий, доктор философских наук, профессор Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; kolna@tpu.ru

Вера Степановна Иванова, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; vcsoc@rambler.ru

Поступила в редакцию: 01.04.2025

Поступила после рецензирования: 15.06.2025

Принята к публикации: 30.06.2025

REFERENCES

1. Zamyatin D.N. Heterotextuality and co-spatiality: from the semiotics of the city to the trans-semiotics of the post-city. *Ural Historical Bulletin*, 2020, no. 1 (70), pp. 70–79. (In Russ.) DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-70-79.
2. Sid I. *Geopoetics. Expeditionary format*. Moscow, Art House Mediat Publ., 2018. 242 p. (In Russ.)
3. Galimova E.Sh. *Northern text as a logos form of existence of the Russian North*. Vol. 1. Arkhangelsk, Image-Press, 2017. 410 p. (In Russ.) EDN: XOANF.
4. Okunev I.Yu., Ostapenko G.I. Space perception in the program of capital cities semiotics. *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, 2022, vol. 1 (49), pp. 43–61. (In Russ.) DOI: 10.31249/chel/2022.01.03. EDN: FVFEEF.
5. Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds. *Semiosphere*. St. Petersburg, Art-SPB Publ., 2000. pp. 149–390. (In Russ.)
6. Toporov V.N. Petersburg and the “Petersburg Text of Russian Literature” (Introduction to the Topic). *Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of the Mythopoeic: Selected*. Moscow, Progress Publ., Culture Publ., 1995. pp. 269–367. (In Russ.) EDN: VKXBQN.
7. Avanesov S.S., Fedotova N.G. *City: in search of identity*. Moscow, Aletheia Publ., 2022. 408 p. (In Russ.)
8. Zamyatin D.N. Space and heterotopy: to semiotics of metageographic imagination. *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, 2020, vol. 1 (41), pp. 29–52. (In Russ.) DOI: 10.31249/chel/2020.01.02. EDN: WFWKEV.
9. Tchertov L.F. Place as a category of spatial semiotics. *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, 2023, vol. 1 (53), pp. 7–26. (In Russ.) DOI: 10.31249/chel/2023.01.01. EDN: CBKMST.
10. Belousov A.B., Davydov D.A. Urban conflicts in Russia: between the “Right to the City” and NIMBY in Irkutsk and Novosibirsk. *Universe of Russia*, 2024, vol. 33, no. 3, pp. 99–117. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117. EDN: MSWZXI.
11. Lapina-Kratasyuk E.G., Zaporozhets O.N. Digital codes of Russian cities: connections, disruptions and a few words about love for the human being. *Steps*, 2016, no. 2 (1), pp. 103–111. (In Russ.)
12. Vorobyova S.V. Historical memory in the global digital world: semiotic and rhetorical aspects. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 2023, no. 1, pp. 34–44. (In Russ.) DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-34-44. EDN: ILZUTN.
13. Zamyatin D.N. Identity and territory: humanitarian-geographical approaches and discourses. *Identity as a subject of political analysis. Collection of articles based on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference. Series “Library of the Institute of World Economy and International Relations”*. Moscow, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov Press, 2011. pp. 186–203. (In Russ.) EDN: RAOFJJ.
14. Zamyatin D.N. Post-city (II): cartographies of imagination and co-spatiality politics. *The Russian Sociological Review*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 9–35. (In Russ.) DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-9-35. EDN: RHOKLU.
15. Kurokhtina S.R. The visual space of a city: a semiotic approach. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, Iss. 4, pp. 364–368. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-4-364-368. EDN: ZOCUOH.

16. Avanesov S.S. Visual semiotics of cities: perspective of urban texts studies. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2016, no. 4 (10), pp. 9–22. (In Russ.) EDN: XHZNHJ.
17. Fedotova N.G. Cultural code of the city. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 10–24. (In Russ.) DOI: 10.5922/2225-5346-2022-4-1. EDN: JAMAGT.
18. Abashev V.V. *Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century*. Perm, Perm University Publ. House, 2000. 404 p. (In Russ.) EDN: QIRNEL.
19. Kolodii N.A., Baggio R., Goncharova N.A., Agranovich V.B., Ivanova V.S. Local texts are in the focus of modern urbanism. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2021, no. 44, pp. 25–47. (In Russ.) DOI: 10.17223/22220836/44/3. EDN: AZKERS.
20. Chernaya M.P. *Tomsk Kremlin of the mid-17th-18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation*. Tomsk, Tomsk University Publ. house, 2002. 198 p. (In Russ.) EDN: TPMJKT.
21. Boyko V.P., Sitnikova E.V., Shagov N.V., Bogdanova O.V., Zalesov V.G., Manonina T.N. *Architecture of the cities of Tomsk province and Siberian merchants (17th – early 20th centuries): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan, Kamen-na-Obi, Naryn, Mariinsk, Novonikolaevsk: monograph*. Tomsk, Tomsk state architecture and civil engineering university Publ. house, 2011. 480 p. (In Russ.) EDN: QPVGVS.
22. Bogdanova O.V. *Architectural appearance of Tomsk*. Tomsk, Krasnoe Znamya Publ., 2005. 144 p. (In Russ.) EDN: VSYPUV.
23. Kostin V. *The Bell and the Swamp*. Moscow, Belovodye Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)
24. Panarina D.S. Myths and images of the Siberian frontier. *Cultural and humanitarian geography*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 39–52. (In Russ.) EDN: PXBAZP.
25. Zamyatin D.N., Zamyatina N.Yu., Mitin I.I. *Modeling the images of a historical and cultural territory: methodological and theoretical approaches*. Moscow, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev Press, 2008. 759 p. (In Russ.) EDN: QKILQX.
26. Rodigina N.N. “Another Russia”: the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the 19th – early 20th centuries. Novosibirsk, NGPU Publ., 2006. 343 p. (In Russ.) EDN: QPCWRH.
27. Ivanov A.V. *Tobol. Few chosen*. Ed. by E. Shubina. Moscow, AST Publ. House, 2018. 702 p. (In Russ.)
28. Ivanov A. I myself do not make any discoveries. *Official website of the writer A. Ivanov*. (In Russ.) Available at: <https://ivanproduction.ru/intervyu/aleksej-ivanov-ya-sam-ne-delayu-nikakix-otkryitiy.html> (accessed 20 December 2024).
29. *Siberian text in the national plot space: monograph*. Ed. by K.V. Anisimov. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2010. 237 p. (In Russ.)
30. Yanushkevich A.S. Siberian text: a view from outside and inside. *Siberia: a view from outside and inside. Spiritual dimension of space. Scientific reports*. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 2004. pp. 227–235. (In Russ.) EDN: VITWSL.
31. *Text of space: materials for the dictionary*. Auth.-compiled E.G. Milyugina, M.V. Stroganov. Tver, SFK-office Publ., 2014. 368 p. (In Russ.)
32. Stroganov M.V. Provincialism/provinciality: an attempt at definition. *Russian province: myth–text–reality. Collection of articles*. Moscow, St. Petersburg, Tema Publ., 2000. pp. 30–37. (In Russ.)
33. Zayonts L.O. Russian provincial “myth”: on the problem of cultural typology. *Geopanorama of Russian culture: Province and its local texts*. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. pp. 427–456. (In Russ.)
34. Boyko V.P., Sitnikova E.V. *Siberian merchants and the formation of the architectural appearance of the city of Tomsk in the 19th – early 20th centuries*. Tomsk, TGASU Publ. house, 2008. 179 p. (In Russ.) EDN: QPKVRZ.
35. Sitnikova E.V. Merchants Kukhterins contribution to Tomsk architecture. *JOURNAL of Construction and Architecture*, 2018, vol. 20, no. 5, pp. 35–49. (In Russ.) DOI: 10.31675/1607-1859-2018-20-5-35-49. EDN: YLJJKH.
36. Romanova L.S. Wooden architecture of Tomsk. *Essays on the history of Tomsk culture*. Tomsk, Advertising digest Publ., 2010. pp. 30–34. (In Russ.)
37. Avanesov S.S. Sacred Topics of Russian City. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2016, no. 1, pp. 71–114. (In Russ.) EDN: PEXLPL.
38. Avanesov S.S. Religious architecture: visual and semiotic aspects. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2014, no. 7 (148), pp. 59–64. (In Russ.) EDN: SIJZXB.
39. Boyko V.P., Smokotin S.V., Sitnikova E.V. *Orthodox church construction in Tomsk province in the 19th – early 20th centuries*. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering Publ. house, 2021. 164 p. (In Russ.) EDN: MYHVXG.
40. Sakharova S.E., Sitnikova E.V. Wooden church construction in Tomsk province late in the 19th and early 20th centuries. *JOURNAL of Construction and Architecture*, 2023, vol. 25, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.) DOI: 10.31675/1607-1859-2023-25-2-9-23. EDN: FWPPAW.
41. Znosko Yu.A. Questions of studying the history of the Tomsk diocese in modern historical research. *Tomsk State University Journal of History*, 2022, no. 77, pp. 115–123. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/77/14. EDN: LZCTOI.

Information about the authors

Nataliia A. Kolodii, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kolna@tpu.ru

Vera S. Ivanova, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; vcsoc@rambler.ru

Received: 01.04.2025

Revised: 15.06.2025

Accepted: 30.06.2025